

**«Хотя и не обязательно для меня то, что приведено в Коране,
я выведу из него доказательство»:
третья беседа Илии, митрополита Нисивина,
и везира Абӯ-л-Қасима ал-Мағрибӣ**

В настоящей публикации вниманию читателей предлагается фрагмент примечательного памятника арабо-христианской письменности XI в. — глава из «Книги собеседований» (*Kitāb al-madǧālic*) Илии Нисивинского, представляющей собой литературно обработанную запись его бесед с мусульманским собеседником, везиром Абӯ-л-Қасимом ал-Мағрибӣ. Это произведение интересно не только тем, что свидетельствует об интеллектуальных связях между представителями разных религиозных традиций средневековой арабской культуры эпохи ее расцвета, но, в особенности, тем, что митрополит Илия, соблюдая почтительность и демонстрируя расположение, играет на поле своего *vis-à-vis*, приводя доводы из авторитетных для последнего текстов. Мы увидим, насколько обстоятельно мусульманское наследие было изучено этим христианским ученым.

Илия родился в 975 г., в христианской семье интеллектуалов, принадлежавшей к Церкви Востока (именуемой ее конфессиональными оппонентами «несторинской»), в селении Шәнā (откуда его «нисба» — Бар Шәнāйā), расположенном на Тигре, ниже устья реки Малый Заб¹. В 994 г. он был рукоположен во священника (будущим католикосом Йўҳанной V), в 1002 г. — в епископа Бет Нухадры (им же, уже в сане католикоса). Наставником Илии был Йўҳаннā ал-А'радǧ («Хромой»). В 1008 г. Илия был возведен на кафедру митрополита Нисивина, которую занимал до своей кончины в 1046 г.²

¹ *Assemanus J. S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. T. III:1. De Scriptoribus Syris Nestorianis. Romae: Typ. Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1725. P. 226, fn. 6.*

² *Samir S. Kh. Foi et culture en Irak au XIe siècle: Elie de Nisibe et l'islam. (Variorum). Aldershot: Ashgate, 1996, I. P. [4]/258.*

Письменное наследие Илии Нисивинского обширно и многогранно. Наиболее популярными его творениями стали «Книга собеседований», о которой пойдет речь далее, и сочинение «Отгнание тревоги и уничтожитель печали»³ (*Kitāb Daḡ' al-hamm wa-muḡīl al-ḡamm*)⁴. Помимо практической философии и апологетики (интерес к последней засвидетельствован также в «Книге доказательства правильности веры» — *Kitāb al-burḡān 'alā ṣaḡīḡ al-īmān*⁵ — и посланиях⁶), предметами изучения и творчества Илии были история (см. его «Хронографию»⁷ — *Мактб̄ан̄ūt̄ā ḡ-забн̄ē*, *Kitāb al-азмина*, — написанную по-сирийски и по-арабски), а также грамматика⁸ и лексикография⁹. Проявил он себя и в сферах церковного права¹⁰ и гимнографии¹¹.

³ *Elia di Nisibi* (975–1046). Il libro per scacciare la preoccupazione (*Kitāb Daḡ' al-hamm*) / Ed. by Kh. Samir, D. Righi, P. Pizzi, P. La Spisa, A. Pagnini. Vol. 1–2. (Patrimonio culturale arabo cristiano, 9–10). Torino: Silvio Zamorani, 2007–2008.

⁴ Об этом можно судить по замечанию, которое Салиб̄а ибн Йўҳанн̄а (XIV в.) оставил в своем энциклопедическом труде «Книги тайн» (*Ас-ḡāp al-аср̄āp*). См.: *Samir*. Op. cit. II. Pp. 124–125.

⁵ *Horst L.* Des Metropolitēn Elias von Nisibis Buch vom Beweis der Wahrheit des Glaubens. Colmar: Eugen Barth, 1886.

⁶ *Monferrer Sala J. P.* Elias of Nisibis // *Christian-Muslim Relations: A Bibliographical History*. Vol. 2 (900–1050) / Ed. by D. Thomas, A. Mallett [et al.]. Leiden–Boston: Brill, 2010. Pp. 727–741 (особ. 733–736).

⁷ *Eliae metropolitae Nisibeni Opus chronologicum* / Ed. & tr. by E. W. Brooks, I.-B. Chabot. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 62–63, Scriptorum Syri, Ser. 3, 7–8). Romae: K. de Luigi, Parisiis: Typ. Reipublicae, 1909–1910; *Delaporte L.-J.* La Chronographie d'Élie Bar-Sinaya, métropolitain de Nisibe. Paris: Honoré Champion, 1910.

⁸ *A Treatise on Syriac Grammar by Mār(i) Eliā of Ṣōbhā* / Ed. & tr. by R. J. H. Gottheil. Berlin: Wolf Peiser; London: Trübner & Co.; New York: B. Westermann & Co., 1887.

⁹ *De Lagarde P.* Praetermissorum libri duo. Kitāb at-Tarḡumān fī ta'līm luḡat as-suryān. Gottingae: Sumptibus editoris, 1879; *McCollum A.* Prolegomena to a New Edition of Eliya of Nisibis's Kitāb al-turjumān fī ta'līm luḡat al-suryān // *Journal of Semitic Studies*. 2013. № 58:2. Pp. 297–322.

¹⁰ *Perczel I. (ed.)*. The Nomocanon of Abdisho of Nisibis: A Facsimile Edition of MS 64 from the Collection of the Church of the East in Thris-sur. (Syriac Manuscripts from Malabar, 1). Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2005. Pp. xv–xvi.

¹¹ *Basanese L.* Le Cantique d'Élie de Nisibe (975–1046) // *Orientalia Christiana Periodica* 78:2 (2012). Pp. 467–506.

Литературный оппонент Илии, везир Абӯ-л-Қасим ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мағрибӣ, родился в 981 г. Его семья, служившая фāтимидам, была в 1010 г. полностью вырезана по приказу неуравновешенного халифа Хāкима би-амри Ллāх. Единственный уцелевший, Абӯ-л-Қасим бежал, безуспешно попытавшись поднять мятеж в Палестине, откуда также бежал, оказавшись в конечном счете в Ираке. Убежище ему предоставил эмир Диярбакыра и Маййафарикина Наṣр ад-Даула Ахмад ибн Марвāн, известный своим покровительством интеллектуалам. Там Абӯ-л-Қасим занял пост министра (*vazīr*), на котором оставался вплоть до своей смерти в 1027 г. Он известен также как автор нескольких сочинений: о правильности речи, генеалогии и истории арабских племен и государственном управлении¹².

Собеседования Илии и Абӯ-л-Қасима имели место летом 1026 г., начавшись сразу после первой встречи митрополита и везира в Нисивине. Всего состоялось семь диалогов, последующая запись которых составила «Книгу собеседований», соответственно, из семи разделов.

Первое собеседование, посвященное разъяснению христианского исповедания единобожия и троичности, составило раздел из введения и пяти глав. Илия утверждает, что исповедание Бога «сущностью в трех ипостасях» не содержит противоречий, т. к. «сущность» (*джавхар*) следует понимать как «существующий Сам по Себе» (*қā’им би-нафси-хи*), а «ипостаси» (*ақāним*) следует понимать в том смысле, что Бог — «живой жизнью и глаголящий глаголением», и поскольку «самость Творца — не приемлющая акциденций и составности», Его Слово (глаголение) и Дух (жизнь) не акцидентальны, но сущностны. Реплику везира об антропоморфичности такой образности митрополит парирует указанием на коранические слова о «распростертых руках» (5:64/69) и «открытии голени» (68:42) Бога. Завершается эта часть разъяснением того, что христиане различают во Христе божественное (вечное, нетварное) и человеческое (возникшее, тварное). Здесь Илия говорит о том подчеркнутом различении, которое свойственно традиции Церкви Востока, им са-

¹² Samir. Op. cit. I. P. [5]/259; Smoor P. Al-Maghribi, 4 // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 5. Leiden: Brill, 1986. Pp.1211:2–1212:2.

мим представленной. В контексте диалога с мусульманским собеседником эта эмфаза заметно усилена.

В ходе второго собеседования, составившего второй раздел из пяти глав, тема христологии была продолжена. Основным предметом обсуждения здесь становится концепция «вселения» (*хулїл*) божества в человечество. Илия подчеркивает уникальность Христа, который прямо именуется Словом Божиим, в том числе в мусульманской традиции, что отличает «вселение» божества в человечество во Христе от боговдохновенности пророков. Разбирается отличие христологии Церкви Востока от христологии двух других конфессий — «мелькитов» и «яковитов». В исповедании Церкви Востока между божеством и человечеством проводится последовательное различие, поэтому для него уместна концепция «вселения», тогда как две другие конфессии акцентируют божество до такой степени («Христос есть Бог»), что концепция «вселения» для них становится неприемлемой.

О содержании третьего собеседования читатель может составить представление на основании приведенного ниже перевода третьего раздела.

Четвертый раздел — «Об утверждении исповедания христианства, из обусловленного разумом и чудесного» — состоит из двух частей, которые представляют собой ответ на вопрос везира: «Твоя убежденность в правильности твоего исповедания [происходит] с какой стороны, от разума или от божественного чуда?». Митрополит отвечает: «От обеих вместе взятых», — и далее дает пояснение. Первая часть ответа, судя по всему, представляет собой сокращенное изложение трактата знаменитого Хунайна ибн Исхāқа (809–873/7) «Как постичь истинность вероисповедания» (*Кайфиййат идрāk ҳақїқат ад-дийāна*)¹³. О знакомстве Илии с письменным наследием Хунайна свидетельствует шестой раздел, где он упоминает его по имени. Примечательно здесь то, что, упоминая, «что в веру христианства вошли философы греков и мудрецы их, и многие народы», Илия называет также среди исповедующих христианство «царства разнообразные, таких [народов] как ромеи и франки, и болгары».

¹³ Селезнев Н. Н. Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке. М.: РГГУ, 2014. («Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ». Вып. XLV). С. 121–128.

ры, и копты, и нубийцы, и армяне, и грузины¹⁴, и персы, и турки, и народ Китая, и другие помимо них». Каждое из упоминаний представляет интерес; отметим здесь лишь, что свидетельство о христианстве у болгар (*ал-булгар*; контекст сообщения позволяет утверждать, что речь идет именно о болгарах), кажется, до сих пор не было учтено в источниковедении. Вторая часть ответа Илии содержит рассказ с упоминанием его учителя Йўханны, старца-провидца, свидетелем дарования которого он был сам. История с участием этого старца призвана показать, что связь событий, происходящих с христианами, исполнена Божиего промысла.

В пятом разделе Илия излагает свое исповедание веры. Пафосом этого «Кredo» является то, что оно подчеркнуто монотеистично (*муваҳхид*). Везир впечатлен и просит митрополита изложить то же в письменном виде, что Илия впоследствии, очевидно, и сделал. На этом, как отмечено в тексте, завершилось обсуждение вероисповедных предметов. Последующие собеседования касаются вопросов культурных и философских.

Шестая беседа — в основном филологическая. Ее содержание составляет сравнительное рассмотрение синтаксиса, лексикологии, каллиграфии и калама (*'илм ал-калām*). Сопоставляются арабский и сирийский языки, в пользу, разумеется, последнего. Везиру трудно возражать — что он может сказать о сирийском? Есть у Илии основания для гордости и в области логики и других наук — кто как не сирийцы передали классическое наследие арабам? Митрополит предстает здесь триумфатором.

Наконец, седьмой раздел посвящен астрологии, отношениям христиан с мусульманами и суждениям о душе. По отношению к астрологии Илия настроен скептически и критически: как наука она ненадежна, а как закон — ничто ввиду господствующего над всем Божиего промысла. Промысел, подчеркивает Илия, не лишает человека свободы, чего нельзя сказать об астрологии, навязывающей предопределенность. Отношения между христианами и мусульманами, по словам митрополита, определяются главным образом тем, что христиане признают власть мусульман, тогда как мусульмане, согласно своему собственному законодательству, обязаны покровительствовать христианам. Повто-

¹⁴ В издании Л. Шейхо (§. 268) пропущено. Сведения об этом издании и использованных рукописях приведены ниже.

ряя аргумент третьего *маджлиса*, Илия напоминает, что христиане — сообщество, которое близко мусульманам, и разделяет их лишь отношение к провозглашению Муḥаммадом своего пророческого призвания. Разговор о душе — философский: душа — это субстанция (*джавхар*), как говорили философы, или акциденция (*'арад*), как считают мусульмане? Илия — на стороне «философов»: душа субстанциальна, и ее субстанция превосходна по отношению к телесной.

Везир просит Илию призвать монахов молиться за него. Митрополит отвечает, что это будет значить, что молитвы будут об исполнении на везире Божией воли. Везир отвечает: пусть это будут молитвы об «общем благе» (*ал-маслаха аш-шāмила*).

Завершается книга кратким рассказом о последующих встречах, общении, кончине везира (15 октября 1027 г.), упоминается, что Илия еще писал на затронутые и другие темы, и, наконец, сообщается, что изложение содержания собеседований получило одобрение со стороны Абū-л-Фараджа 'Абд Аллаха ибн ат-Ṭаййиба¹⁵, секретаря «патриаршей келии».

Представленный ниже перевод выполнен Н. Н. Селезневым под редакцией Д. А. Морозова по изданию: *Cheikho L. Maǧālis ʿIliyyā muṭrān Niṣībīn // al-Mašriq* 20 (1922). Ṣṣ. 117–122, со сверкой по следующим рукописям: (1) Berlin, Staatsbibliothek — Syr. 115 (Sachau 67), XVI в., каршуни, fol. 19v–27v; (2) Berlin, Staatsbibliothek — Syr. 114 (Sachau 205), XIX в., fol. 15r/ṣ 28 — fol. 19r/ṣ. 36; (3) Aleppo, Fondation Georges et Mathilde Salem — Ar. 318 (Sbath 1131), 1737 г., fol. 12v–15r (нумерация листов восточными арабскими цифрами и коптским курсивом); (4) Aleppo, Fondation Georges et Mathilde Salem — Ar. 274 (Sbath 1080), 1863 г., fol. [62]r–[66]v¹⁶. Пагинация по изданию Л. Шейхо проставлена в тексте перевода в квадратных скобках в верхнем регистре.

М а д ж л и с 3

О приведении доказательств единобожия христиан из Корана

Во вторник, в первый день [месяца] джумада II я пришел, чтобы посидеть, [беседуя] с везиром, и он сказал мне: «Я обдумал то, что ты изложил [в ходе предыдущих встреч] о смысле единобожия христиан, и счел это хорошим, но затем обратился к бла-

¹⁵ Селезнев Н. Н. Указ. соч. С. 107–119.

¹⁶ См. перечень известных рукописей и библиографию в *Monferrer Sala*. Op. cit. Pp. 731–732.

городному Корану и нашел, что он отвергает это тем, что в нем сказано: „Впали в неверие те, которые сказали: ‘Бог — третий из трех’“, и что он представляет их во многих местах как многобожие»¹⁷ (5:73/77).

Я сказал: «Не обязательно для меня — да поддержит Бог везира! — то, что приведено в Коране, и вместе с тем, хотя это для меня и необязательно, я выведу из него доказательство того, что христиане — единобожники.

Итак, мы находим его иногда свидетельствующим о них как о единобожии, ^[118] и иногда — как о многобожии. И ежели дело обстоит так, то получается, что это — либо противоречие, либо указание на какое-то сообщество из них как на единобожие, и на другое сообщество — как на многобожие. И я не думаю, что среди мусульман — да укрепит их Бог! — есть кто-то, кто скажет, что это противоречие, поэтому необходимо заключить, что характеристикой христиан как единобожия указывается на одно сообщество из них, а как многобожия — на другое сообщество. Что касается единобожников, о единобожии которых свидетельствует Коран, — и мы знаем, что они признают, что Бог один, — то это мы¹⁸, [а также] яковиты и мелькиты, и те из христиан, кто сходен с нами. Что же касается многобожников из них, то это люди, которые делают вид, что они христиане, как, например, маркиониты, дайсаниты, манихеи¹⁹ и тритеисты²⁰, то есть утворяющие, и другие помимо них из тех, кто от-

¹⁷ *širk* — приписывание Богу «сотоварищей».

¹⁸ Прим. издателя: «несториане», т. е. верные Церкви Востока.

¹⁹ Манихеи, маркиониты и (бар)дайсаниты в ересологической литературе часто фигурировали как собрание разного рода дуалистических толков, как в христианской письменности (см., напр., *Mitchell C. W. (ed.). S. Ephraim's Prose Refutations of Mani, Marcion, and Bardaisan. 2 vol. London: Williams and Norgate, 1912*), так и в мусульманской (см., напр., *Мухаммад б. 'Абд ал-Карим аш-Шахрастани. Книга о религиях и религиозно-философских учениях (Китаб ал-миал ва-н-нихал). Часть вторая: [Древние религии и верования]. Глава вторая: Дуалисты / Предисл., пер. с араб. и комм. С. М. Прозорова // Ишрақ: ежегодник исламской философии. 2012. № 3. С. 573–600; манихеи (574–577), дайсаниты (579, 593–595), маркиониты (580–581, 595–597)*).

²⁰ См. *Grillmeier A. Die tritheistische Kontroverse im 6. Jahrhundert und ihre Bedeutung für die syrische Christologie // Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. 2:3. Freiburg im Breisgau, Basel, Wien: Herder, 2002. S. 279–291.*

носит себя к христианству, но они не имеют к нему отношения и далеки от него. Что касается маркионитов, то они исповедуют трех богов — бога справедливого, бога милостивого и бога злого. Что касается дайсанитов и манихеев, то они говорят о двух создателях и двух богах — один из которых творец блага и света, и другой — создатель зла и мрака. И что касается тритеистов, то есть утрояющих, то они говорят о трех богах и трех господах, и трех поклоняемых, и трех сущностях. Мы полагаем о них, а также о маркионитах, дайсанитах и манихеях, что они еретики и противники закона.

Что же касается утверждений из Корана, указывающих на наше единобожие, то это, в частности, то, что содержится в суре „Корова“, поскольку там говорится: „Воистину, тем, кто уверовал, и которые иудействовали, и христианам, и сабиям²¹ — тем, кто уверовал в Бога и в последний день и творил добро, им награда у Господа их, у них нет страха, и пусть они не печалются“ (2:62/59). Этот аят указывает на то, что тот, кто уверовал в Бога и в последний день и творил добро, ему награда у Господа его, у него нет страха, и пусть он не печалится».

Он сказал: «Толкователи расходятся в отношении этого аята, и кто-то из них говорит, что он отменен высказыванием: „Тот, кто хочет кроме ислама религии, от того не будет принято, и в иной жизни он будет в числе потерпевших поражение“ (3:85/79), а другие говорят, что имеется в виду лишь то, что иудеи, христиане и сабии заслуживают воздаяния в ином мире, если примут ислам, а не если останутся при своих религиях».

Я сказал: «Утверждение того, кто сказал, что действительность этого аята отменена, воистину опровергается следующим. Речь делится на несколько разновидностей: сообщение, запрос, требование, предостережение и повеление. И отмена происходит только в повелении, ибо если бы она имела место в сообщении или какой-то иной ^[119] разновидности речи, помимо повеления, то получалось бы расхождение и противоречие. И воистину наличие отмены допустимо в повелении, ибо хороша

²¹ *Chwolsohn D.* Die Ssabier und der Ssabismus. Bd. 1–2. St. Petersburg: Die Akademie der Wissenschaften, 1856; *Mazuz H.* The Identity of the Sabians: Some Insights // R. Jospe, D. Schwartz (eds.). *Jewish Philosophy: Perspectives and Retrospectives.* (Ser. Emunot). Boston: Academic Studies Press, 2012. Pp. 233–254.

она лишь при повелении, ведь повелевает повелевающий какое-то повеление в некое время, соответственно резону, который имеется в это время, и затем повелевает нечто иное, отличающееся от предыдущего, с другой целью. Если же кто-то сообщает некое сообщение, и затем сообщает другое сообщение, противоположное ему, то это дурно. Так что допустимо наличие отмены в повелениях, а не в каких-то других разновидностях речи. Повеления же бывают двух видов: обязывающие и не обязывающие, и отмена имеет место лишь в обязывающих. А обязывающие бывают двух видов: обращенные к уму, например, обязанность единобожия, обязанность благодарности за благодеяние, подчинение родителям и связь родства, а также воспринятые по преданию, например, возвеличивание каких-то дней [празднованием], почитание какого-то места, запрет какой-то еды и другое подобное сему из обязанностей, воспринятых по преданию. И отмена бывает только в них, а не в обращенных к уму, потому что невозможно, чтобы была отменена обязанность единобожия или обязанность благодарности за благодеяние, подчинение родителям и связь родства. Таким образом, отмена имеет место лишь в повелениях, этот же аят был сообщением, а не повелением, так что не может быть, чтобы он был отменен. И о том, что он не был отменен, свидетельствует, в частности, то, что в Коране приводится [следующее] высказывание: „Сегодня Я завершил для вас вашу религию и исполнил на вас Свою милость“ (5:5). После же завершения и исполнения нет чего-то иного.

Что же касается утверждения того, кто говорит, что в аяте суры „Корова“ имеется в виду, что иудеи, христиане и сабии заслуживают воздаяния в ином мире, если примут ислам, а не если останутся при своих религиях, то оно также несостоятельно, потому что, если бы имелось в виду это, то не было бы упоминания иудеев, христиан и сабиев в этом аяте смысла, если бы не было содержания в Его словах „те, которые уверовали“, кроме как охватывающего каждого, кто входит в веру из иудеев, христиан, сабиев и других помимо них, иначе, не осталось бы разницы между высказыванием Его „тем, кто уверовал, и которые иудействовали, и христианам, и сабиям, если уверовали“ и высказыванием Его „тем, кто уверовал, и тем, кто уве-

ровал“; это было бы повторением, которое не имеет смысла, и нет мусульман, которые относили бы подобное сему к Корану.

И также если бы было в этом аяте воздаяние, даруемое в иной [жизни] иудеям, христианам и сабиям, связано с условием принятия ислама, неизбежно получалось бы, что маги²² и индусы, если они принимают ислам, не подпадают под это условие, и им не досталось бы этого воздаяния, и также неизбежно получалось бы, что если бы кто-то из них принял ислам, и еще другие, кроме них, из идолопоклонников, то не считалось бы их принятие ислама по причине обособления в этом иудеев, христиан и сабиев. И поскольку не получается, чтобы этот аят был отмененным, и несостоятельно, чтобы даруемое в нем иудеям, христианам и сабиям было связано с условием принятия [ими] ислама, ^[120] то несомненно, что имеется в виду в нем именно то, что те, кто уверовал в Бога и в последний день, и сделал доброе дело, из иудеев, христиан и сабиев, им воздаяние у Бога, нет страха над ними, и пусть они не печалятся. И поскольку это установлено, то установлено и то, что христиане — единобожники.

И сказал аṭ-Ṭабарī²³ в толковании на этот аят, что „те, которые поверили Богу и Его посланнику, это люди ислама, и те, которые иудействовали, то есть иудеи, и те из сабиев, кто уверовал в Бога, — мы уже разъяснили их положение, — и христиане, те, которые уверовали в Бога и в последний день, и поверили в восстановление и воскресение после смерти, и сделали доброе дело ради своего возвращения [к Богу], нет страха над ними в том, к чему они приблизятся из ужасов светопрестваления²⁴, и пусть они не печалятся над тем, что они оставили за собой из этого мира и жития в нем, при лицезрении ими того, чем их возвеличил Бог из Его обильного воздаяния“. Эти слова аṭ-Ṭабарī — да помилует его Бог! — указывают на то, что он был убежден, что тот, кто уверовал в Бога и в последний день из иудеев, христиан и сабиев, и сделал доброе дело, заслужил блаженство в иной жизни.

²² Т. е. персы-зороастрийцы; см. *Darrow W. R. Magians // Encyclopaedia of the Qur'an / Ed. by J. D. McAuliffe. Vol. 3. Leiden, Boston: Brill, 2003. Pp. 244–245.*

²³ Абӯ Джа‘фар Муḥаммад ибн Джарйр ибн Йазйд аṭ-Ṭабарī (839–923) — знаменитый арабо-персидский историк и толкователь Корана. См. *Tafsīr aṭ-Ṭabaṛī* (неск. изданий) *sub loco*.

²⁴ *ahwāl al-qiyāma* — букв. «ужасов воскресения».

Из [Корана] также слова: „Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют“ (2:221/220), и если бы христиане были многобожниками, то не было бы дозволено [мусульманам] быть женатым на дочерях их, кроме как после того, как они примут ислам, но ведь на них женятся, даже и при том, что они остаются при своем исповедании. Этим самым становится известным, что христиане — не многобожники.

То же устанавливается тем, что сообщается в суре „Семейство Имрāна“: „Не все одинаковы из людей Писания; есть стойкая община, они читают знамения Божии во время ночи и падают ниц, веруют в Бога и последний день, повелевают делать добро и запрещают делать зло, и стремятся к благам, эти — из праведников“ (3:113/109–114/110). Известно, что стойкая община, упомянутая в сем аяте, это некая [община] из общин иудеев и христиан. И Коран свидетельствует об иудеях как о весьма враждебных, жестокосердых и хитрых, а о христианах — как о близких приятню, стремящихся ко благам и делающих добрые дела, что указывает на то, что под „стойкой общиной“ имеются в виду христиане, а не иудеи. И если это установлено, установлено и то, что христиане — единобожники, а не многобожники.

И также сказано в суре „Хаджж“: „Если бы не сдерживание Богом одних людей другими, то была бы разрушена соборная мечеть, и церкви, и [места] молитвы, и места поклонения, в которых поминается Имя Бога многожды“ (22:40/41). Если бы христиане были не единобожниками, то не свидетельствовал бы [Коран], что они поминают Имя Бога в своих церквах, наряду с упоминанием мусульман в местах поклонения их, поскольку Имя Бога поминают лишь единобожники, и не уравнивал бы [их] места поклонения и церкви.

И [еще] в указанной суре [сказано]: „те, которые уверовали, и те, которые иудействовали, и сабии, ^[121] и христиане, и маги, и те, которые многобожничали, — Бог разделит между ними в день воскресения“ (22:17). Известно, что [Коран], если бы христиане были многобожниками, не сделал бы различие в этом аяте между ними и между теми, которые многобожничали.

В суре „Покаяние“ [сказано]: „Убивайте многобожников, где вы их найдете“ (9:5). Этот аят обязывает убивать многобожников там, где они найдены, всё равно, дали ли они налог или не дали. И обязывает Коран хранить [себя от пролития] крови хри-

стиан, вкушать их жертвы, [иметь] сношение с ними и охранять их, если они заплатили налог, как охраняют мусульман. И это доказывает, что они единобожники, а не многобожники.

В суре „Трапеза“ сказано: „И если бы они держали прямо Тору и Евангелие и то, что ниспослано им от Господа их, то питались бы от того, что над ними, и от того, что у них под ногами; и из них — община умеренная, а многие из них — дурно то, что они делают“ (5:66/70). [Толкуя это], Муджāхид²⁵ сказал: „Община умеренная — это уверовавшие люди Писания“. И сказал Қатада²⁶: „Какая из людей Писания община умеренная? [Та, что] на Писании Бога и повелениях Его“. И сказал ас-Суддй²⁷: „Это уверовавшие“. И сказал Ибн Йазйд [ат-Ṭабарй]: „Умеренная — это люди Писания и повиновения Богу из людей Писания, и они из тех, которые приняли Тору и Евангелие“. Тору и Евангелие не принял никто, кроме христиан, и, следовательно, они единобожники.

В суре „Трапеза“ [сказано]: „Ты непременно обнаружишь, что из людей сильнее всех враждебны к тем, кто уверовал, иудеи и многобожники, и также непременно обнаружишь, что ближайшие приятелью к тем, кто уверовал, это те, которые сказали: ‘Мы — христиане!’, потому что из них священники и монахи, и они не превозносятся“ (5:82/85). [Таким образом Коран] в этом аяте отделил христиан от многобожников, и это отделение указывает на то, что христиане единобожники, а не многобожники.

²⁵ Муджāхид ибн Джабр ал-Маккй, Абӯ-л-Ḥаджжāдж (642 — между 718 и 722) — один из известных в свое время ранних авторов толкований на Коран. См. о нем: *Rippin A. Muḏjahid b. Djabr al-Makkī // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 7. Leiden, New York: Brill, 1993. P. 293.*

²⁶ Қатада ибн Ди‘ама ибн Қатада ас-Садүсй, Абӯ-л-Ḥаṭṭāб (680–736) — басрийский знаток генеалогий, лексикологии, исторических преданий, толкования Корана и хадйсов, страдавший слепотой, но отличавшийся феноменальной памятью. См. о нем: *Pellat Ch. Qatāda b. Di‘āma // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 4. Leiden: Brill, 1997. P. 748:2.* См. также: ‘Abd Allāh Abū-s-Su‘ūd Badr. *Tafsīr Qatāda: Dirāsa li-l-mufasssir wa-manhaḡ tafsīrih. Al-Māḡistīr [магист. дисс.]. Al-Qāhira: ‘Ālam al-Kutub, 1980.*

²⁷ В издании Шейхо «ас-Синдй»; в Sachau 67 «ас-Саддй». Исма‘йл ибн ‘Абд ар-Раḡмāн ас-Суддй л-Кабйр Абӯ Муḡаммад (ум. 745) — кўфийский проповедник и популярный толкователь Корана. См. о нем: *Juynboll G. H. A. Al-Suddi // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 9. Leiden: Brill, 1997. P. 762:1.*

Абу Джа‘фар ат-Табарӣ, после того, как привел в толковании на этот аят истолкования предыдущих толкователей и их расхождение в нем, высказал следующее разъяснение: „Правильно у нас говорится, что Бог Всевышний сообщил о некоей группе людей из [числа] христиан, которых Он похвалил за близость их приязни к людям веры в Бога и посланника Его, и это именно было о них, потому что из них — обладатели веры и усердия в поклонении, и в воздержании в монастырях и кельях, и что из них — знатоки их книг и начитанные в них, и они по своей скромности не далеки от уверовавших по отношению к истине, ибо, когда они ее узнают, не считают зазорным принять ее, если убедятся в ней, совсем не как иудеи, которые наторели в убиении пророков и посланников, и в противостоянии и противодействии Богу в отношении Его повеления и запрета, и в извращении Ниспослания, которое ниспослано в Его книгах“. Так что показал этот аят и его толкования, что христиане — самые близкие из людей приязнью к мусульманам, и что они усердные в повиновении Богу, и, следовательно, они единобожники, а не многобожники». ^[122]

Сказал везир: «Христиане, упомянутые в Коране, — не те, что христиане в это время».

Я сказал: «Если бы христиане, упомянутые в Коране, были иными, чем христиане в это время, то и не было бы нужно, чтобы с них взимали налог, наложенный по Корану, и который берут с христиан этого времени, а также жертвоприношения их нельзя было бы вкушать и быть женатым на их дочерях, как можно было быть женатым на дочерях тех самых [христиан], и вкушать их жертвоприношения. Поскольку же мусульмане в это время обходятся с христианами [таким же] обхождением, [что и] с христианами предшествующих времен в том, что касается налога и жертвоприношений, то установлено, что они — те самые христиане, упомянутые в Коране. Так понимали это комментаторы Корана и не проводили различия между христианами их времени и другими христианами, бывшими во время [дарования] Корана. Привел Абу Джа‘фар ат-Табарӣ в [своем] толковании [Корана] слова: „Сегодня сделаны вам дозволенными ястия, и пища тех, кому дано Писание, дозволена вам“ (5:5/7) и разъяснил он это так: „Пища тех, кому дано Писание, дозволена вам, и жертвоприношения людей Писания из

иудеев и христиан; это они те, которым дано Писание, то есть Тора и Евангелие, им дано то и другое или одно из двух, [и от них принимать жертвенную пищу] дозволено вам, но не жертвоприношения людей многобожия, у которых нет Писания, из многобожников арабов и поклонников идолов и истуканов, из тех, чьё единобожие не было упомянуто как религия людей Писания; их жертвоприношения запретны для вас²⁸. Это высказывание показывает, что запретны для мусульман жертвоприношения людей многобожия, и дозволены им только жертвоприношения единобожников из иудеев и христиан. И поскольку дело обстоит так, и мусульмане сходятся на том, что вкушение [ими] наших жертв дозволено, необходимо, чтобы сошлись они и в том, что мы единобожники, упомянутые в Коране, и что наше исповедание трех ипостасей не отменяет наше единобожие.

Кадий (судья) Абӯ Бакр Муḥаммад ибн аṭ-Ṭаййиб, известный как Ибн ^[sic] Бақиллāнӣ, в книге „Ṭамс“ („Стирание“)²⁸ написал следующее: „Знай же о христианах, что, если мы проведем с ними диалог об их утверждении, что Бог — сущность и обладатель трех ипостасей, не будет иметь места между нами и ними расхождение, кроме как по имени, потому что они говорят, что Бог — сущность не как сущности сотворенные, а в том смысле, что Бог существует Своей Самостью, и смысл этот правильный, только выражение испорчено, потому что [такое] название

²⁸ ал-Бақиллāнӣ, Абӯ Бакр Муḥаммад ибн аṭ-Ṭаййиб ибн Муḥаммад ибн Джа‘фар ибн ал-Қасим (ум. 1013) — видный представитель аш‘аритской школы калāма, правовед мāликитского толка. См. о нем: *McCCarthy R. J. al-Bāqillānī // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 1. Leiden: Brill, 1986. Pp. 958:2–959:1.* В своем «Послании о единственности Творца и троичности Его ипостасей» Илия Нисивинский приводит полное название указанного трактата — «Стирание, О пяти принципах» (*aṭ-Ṭams ‘alā-l-‘uṣūl al-ḥams*) — *Ma‘lūf L. Risāla fi waḥdāniyyat al-Ḥāliq wa-tatlīṭ aqānīmi-hi / ta‘līf ‘Iliyyā muṭṭarān Niṣībīn // al-Maṣriq 6 (1903). Ṣ. 115.* Это сочинение остается малоизвестным и, судя по всему, неизданным. С. Х. Гриффит полагал, что ссылка на «Ṭамс» в действительности отсылает к известному богословско-полемическому труду ал-Бақиллāнӣ «Тамхїд» («Введение») — *Griffith S. H. The Monk in the Emir’s Majlis: Reflections on a Popular Genre of Christian Literary Apologetics in Arabic in the Early Islamic Period // The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam / Ed. by Nava Lazarus-Yafeh [et al.]. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1999. P. 52, fn. 161.* Однако «Тамхїд» не содержит приведенного высказывания ал-Бақиллāнӣ.

происходит у них от использующих язык, а Всевышний не придал чему-либо из них имя сущности. Так что прения с ними только о доказательстве пророчества, как и с иудеями“. Если этот судья говорит подобное сему, необходимо каждому, кто чтит его и принимает сказанное им, признать, что христиане — единобожники».

Сказал везир: «Что касается речения Ибн ^[sic] Бақиллāнī, то это предание, которое мы не приняли. Что же касается других высказываний, которые ты привел, то они мне пришлось по душе».

Засим мы разошлись, [завершив] третье собеседование.

Part 3: Translations

L. Lahuti

**Alexander the Great in the *Ilahi-Nameh*
by Farid ad-Din ‘Attar**

One of the main strategies Farid al-Din ‘Attar, the great Persian Sufi poet of the 12th and 13th centuries, uses in his *masnavi* poems is transforming manifold literary and folkloric stories into parables. Among them, are stories of Iskandar (Alexander the Great), which were widely spread in the Middle East through the various translations of the *Alexander Romance* by Pseudo-Callisthenes. The paper discusses the perception of Iskandar’s figure in the Middle Eastern tradition, then provides a brief overview of the *Ilahi-Nameh*’s structure and main ideas and offers a commented translation of two Iskandar stories.

N. Seleznyov

**“Though it is not Obligatory for Me What is Stated
in the Qur’ān, I will Get Proof from it”:**

**The Third Conversation between Elias, Metropolitan of Nisibis,
and Wazir Abu ‘l-Qasim al-Maghribi**

The Book of Sessions (Kitāb al-mağālis) of Elias of Nisibis is a remarkable example of the Arab-Christian literature of the 11th century CE which is still awaiting its full critical edition. The content of the book is the discussions between Metropolitan Elias (975–1046) and his Muslim *vis-à-vis* — wazir Abū ‘l-Qāsim al-Ḥusayn ibn ‘Alī al-Maghribī (981–1027). This work demonstrates the intellectual contacts between the different religious traditions of medieval Arab culture in its flourishing age as well as the characteristics of the Christian literature developed in the Syro-Mesopotamian region in that epoch. The present publication provides a critical survey of the treatise which is followed by a Russian translation of the third session. While working on the article and the translation, the author used manuscripts from the collections of Berlin and Aleppo.

● Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**
Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue LXI

Ya evam veda...
Кто так знает...

In memoriam
Vladimir Nikolayevich
Romanov

Moscow
2016

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

**Труды Института восточных культур
и античности**

Выпуск LXI

Ya evaṃ veda...

Кто так знает...

Памяти

Владимира Николаевича

Романова

Москва
2016

УДК 821.21'01:81'255.2
ББК 86.33
У 11

Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности
Выпуск LXI

Под редакцией И. С. Смирнова

Составители

Н. Ю. Чалисова (отв. ред.), Н. В. Александрова, М. А. Русанов

ISBN 978-5-7281-1777-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016
© Институт восточных культур
и античности, 2016

Оглавление

Предисловие

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов, Н. Ю. Чалисова</i>	5
<i>В. В. Глебкин. О научном пути В. Н. Романова</i>	11
<i>А. Н. Мещеряков. Владимир Николаевич Романов: человек на своём месте</i>	15

Раздел 1: Индология

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней»</i>	25
<i>А. А. Вигасин. Цари и боги Древней Индии</i>	55
<i>А. М. Дубянский. Конь и колесница в тамильской лирике</i>	75
<i>Д. А. Комиссаров. Встреча Сиддхартхи Гаутамы с царем Бимбисарой: история текстов</i>	97
<i>Н. А. Корнеева. Брахманы намбудури: некоторые особенности традиции передачи ведийских текстов</i>	115

Раздел 2: История и теория культуры

<i>О. Ю. Бессмертная. Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане</i>	135
<i>В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса философия в текстах русской культуры XVIII в.</i>	191
<i>Л. М. Ермакова. Гумилев и Садаякко: отражения и подражания</i>	211
<i>А. В. Журавский. Авраам в исламской традиции</i>	249
<i>С. В. Кулланда. Гордость и предубеждение (жизненный опыт и научный поиск)</i>	265
<i>А. Н. Мещеряков. Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания и восприятие природных бедствий в Японии периода Хэйан</i>	283
<i>А. В. Смирнов. Эпистема классической арабо- мусульманской культуры</i>	299

Раздел 3: Переводы классических памятников

<i>Л. Г. Лахути. Александр Великий в поэме 'Аттара 'Илахи-наме'</i>	327
---	-----

<i>Н. Н. Селезнев.</i> «Хотя и не обязательно для меня то, что приведено в Коране, я выведу из него доказательство»: Третья беседа Илии, митрополита Нисивина, и везира Абӯ-л-Қасима ал-Мағрибй	349
<i>Н. И. Пригарина, Н. Ю. Чалисова, М. А. Русанов.</i> «Мое сердце не принимает иного пути»: газель Хафиза о тщетных советах	365
<i>М. А. Алонцев, Л. Г. Лахути, Е. Л. Никитенко, Т. А. Счетчикова, Н. Ю. Чалисова.</i> Джунайд Багдади: «Павлин ученых» и «Султан приобщенных к истине»	381
Сведения об авторах	441
Abstracts of the papers	447

Contents

Foreword

(<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov, N. Chalisova</i>)	5
<i>V. V. Glebkin</i> . Vladimir Romanov's scholarly path	11
<i>A. N. Meshcheryakov</i> . Vladimir Nikolayevich Romanov: the right man in the right place	15

Part 1: Indology

<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov</i> . Omens of birth of the Bodhisattva in Buddhist hagiography: “the poetics of the catalogs”	25
<i>A. Vigin</i> . The kings and the gods in Ancient India	55
<i>A. Dubyanskiy</i> . Horse and chariot in Tamil lyrics	75
<i>D. Komissarov</i> . Siddhartha Gautama meets king Bimbisara: a history of texts	97
<i>N. Korneeva</i> . The Nambudiri Brahmins: some peculiarities of Vedic texts transmission	115

Part 2: History and theory of culture

<i>O. Bessmertnaya</i> . Who was M.-B. Hadjetlaché after all, or the need for deceit	135
<i>V. Glebkin</i> . The structure of lexical complex <i>philosophy</i> in the texts of the 18th-century Russia	191
<i>L. Ermakova</i> . Gumilyov and Sadayakko: reflections and imitations	211
<i>A. Zhuravskiy</i> . Abraham in the Muslim tradition	249
<i>S. Kullanda</i> . Pride and prejudice (life experience and scholarly quest)	265
<i>A. Meshcheryakov</i> . Natural calamities in the capital: catastrophe in the mind and perception of natural disasters in Heian period	283
<i>A. Smirnov</i> . The episteme of the classical Arab-Islamic culture	299

Part 3: Translations

<i>L. Lahuti</i> . Alexander the Great in the <i>Ilahi-Nameh</i> by Farid ad-Din ‘Attar	327
--	-----

<i>N. Seleznyov</i> . “Though it is not obligatory for me what is stated in the Qur’ān, I will get proof from it”: the third conversation between Elias, Metropolitan of Nisibis, and wazir Abu ʿI-Qasim al-Maghribi	349
<i>N. Chalisova, N. Prigarina, M. Rusanov</i> . Hafiz’s ghazal on the futility of advice	365
<i>M. Alontsev, N. Chalisova, L. Lahuti, E. Nikitenko, T. Schetchikova</i> . Junaid Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realized”	381
Notes on the contributors	441
Abstracts of the papers	447